ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ОДНА КРОВЬ НА ДВОИХ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Одна кровь на двоих / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248378-3

В брошенной на проселочной дороге полуторке обнаружены зверски убитые мужчина и женщина. В мужчине свидетели опознали зоотехника, который вез в этот день зарплату рабочим совхоза. Денег при убитом не оказалось. По характеру нанесенных ран и по тому, как дерзко и умело действовали налетчики, было понятно, что работали матерые рецидивисты. Начальник уголовного розыска майор Клим Орлов поручает своим подчиненным выяснить, не появлялись ли в окрестных селах незнакомые люди. А заодно установить, куда из общежития местной фабрики пропала работница Серафима Пенина. Опытный сыщик и не предполагал, что два этих происшествия — громкое убийство и исчезновение Пениной – связаны между собой одной кровью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248378-3

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Посвящается оперуполномоченной уголовного розыска УМВД по Тамбовской области, подполковнику милиции в отставке Людмиле Владимировне Адерихиной, а в ее лице всем бывшим и настоящим женщинам – оперуполномоченным уголовного розыска СССР и России

Глава 1

Колхозный конюх Аверьян Колодин ехал в артель «Молот» за готовыми хомутами. Вальяжно развалившись поперек телеги на пахучем разнотравье, он неспешно покуривал цигарку, добротно свернутую из приличного клочка районной газеты «Трудовая новь».

Мерин Васька бежал легкой рысцой, размеренно покачивая рыжим крупом, и с ленцой помахивал необрезанным хвостом. Проселочная дорога шла через смешанный лес, наполненный, словно хрустальная ваза, птичьими голосами. В глубине дебрей неистово кричала кукушка, безостановочно стучал дятел по сухому суку, отчего его дребезжащий звук распространялся на весь обширный лесной массив, возле самой дороги заливисто пели мелкие пташки.

Теплый, настоянный на лесных травах ветерок теребил косматую бороду вознице. В узкую щель из-под обтерханного козырька надвинутой на глаза кепки перед его взором мимо проплывала кучерявившаяся зеленая листва, мелко дрожавшая под ласковым дуновением. На душе у Аверьяна истома и благодать!

Он начал подумывать о том, как по приезде в контору артели первым делом наскоро получит необходимые

колхозу хомуты, а потом не спеша заглянет в чайную, где хозяйничает знакомая буфетчица Нюрка. Побаловать себя в отъезде, вдали от зорких глаз въедливого бригадира комсомольца Семки Сиротина и тем более самого председателя Силантьича, стопкой водки нынче ему сам бог велел. А пока доберется обратно, запах выветрится — с него и взятки гладки.

Размечтавшись, Аверьян не сразу обратил внимание, что бежавший мерной трусцой Васька незаметно перешел на медленный шаг, а затем и вовсе встал, шумно всхрапывая и нервно перебирая копытами. Аверьян расслабленным жестом сдвинул на затылок кепку и приподнялся. Увидев стоявшую неподалеку полуторку с открытой дверью, а под ней водителя, он спрыгнул с телеги и, направляясь к машине, спросил:

— Что, браток, обломался? — Не услышав ответа, переспросил: — Говорю, обломался?

Аверьян подошел к машине, с удовольствием разминая затекшие за дорогу ноги, и увидел спящую в кабине женщину в коричневой кофте. Она так крепко спала, откинувшись на спинку сиденья, что от его громкого голоса у нее даже не дрогнули веки. Он присел на корточки, с любопытством заглянул под машину и тотчас испуганно отпрянул. Молодой водитель лежал уткнувшись обескровленным лицом в землю, неловко подвернув под себя правую руку, а в боку, чуть пониже сердца, в окружении алого пятна, напитавшего голубую рубаху, зияла глубокая рана. Свалившаяся с головы кепка валялась рядом.

Аверьян резко вскочил, качнулся, словно его ударили чем-то тяжелым по голове, но на ногах устоял. Только сейчас он заметил, что кровь обильно текла из щели в кузове, образовав на траве под машиной черную лужу.

Неведомая сила заставила его бросить взгляд на убитую женщину — теперь стала понятна причина ее крепкого сна. Кофта на ее животе была вспорота, чего он сразу не разглядел, и кровь, скопившаяся в ложбинке между ног на плотной юбке, текла через край на дерматиновое сиденье.

Ему стало страшно, он попятился, не отводя пристального взгляда от картины жестокого убийства сразу нескольких человек. Потом круто развернулся и рысью припустился к мерину. Запрыгнул в телегу и сразу же ожесточенно дернул за вожжи.

— Но, пошел! Но! — как оглашенный принялся кричать перепуганный насмерть Аверьян, немилосердно нахлестывая мерина кнутом. Восемь километров Васька проскакал столь стремительно, как, наверное, не скакал и жеребенком.

Бросив едва живое, загнанное сверх меры животное у крыльца чайной, Колодин влетел внутрь, ворочая по сторонам затравленными глазами из-под заросших, лохматых бровей. В зале сидело несколько посетителей, уютно расположившихся за дальним столиком. Над ними на стене висел яркий красный плакат: «21 ДЕКАБРЯ 1947 ГОДА — ВСЕ НА ВЫБОРЫ В СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ!».

Аверьян метнулся к стойке:

— Нюрка, стопку водки!.. Нет, две!.. Четверошный стакан! — выпалил он, обтирая дрожащей рукой обслюнявленную бороду.

Буфетчица впервые видела всегда спокойного и рачительного хозяина Аверьяна в подобном состоянии: привычная кепка отсутствовала, вороненого цвета космы топорщились во все стороны, за поясом торчал вишневый

черенок короткого кнута, старый пиджак широко распахнут. Когда конюх пил, редкие зубы вызванивали такую звонкую дробь о край граненого стакана, что возбужденное состояние его невольно передалось и Нюре.

— Что-то случилось? — осторожно поинтересовалась она, с трудом сглотнув пересохшим горлом.

— Там это... Там это... — никак не мог произнести конюх страшные слова; несколько раз начинал снова и тут же обрывал. — Там людей поубивали! — наконец выкрикнул Аверьян и задрожал большим телом, словно внезапно охваченный припадком. — Кровищи натекло... — простонал он, обхватив голову руками.

Охнув, Нюра схватилась за сердце, початая бутылка выпала из рук, стукнулась о пол и разлетелась вдребезги. Этот звук в наступившей тишине был похож на гром среди ясного неба. Находившиеся в зале посетители непроизвольно вздрогнули...

Глава 2

— Вот скажите, на черта нам эта девица? — в гнетущей тишине оглядел Орлов своих сотрудников. И столько в его потемневших зрачках было невыразимой тоски и страданий, что все невольно отводили глаза в сторону, чтобы не встречаться с ним взглядом.

Раньше за Климом такое не замечали: он всегда выглядел подтянутым, даже щеголеватым, был в меру веселым, где-то язвительным. Но, когда того требовали обстоятельства, мог быть и жестким, даже безжалостным. Но сейчас он был похож на заболевшего человека, что совсем не вязалось с его внешним видом: суровые складки вокруг плотно сжатых обветренных губ, прокаленное солнцем и ветрами осунувшиеся смуглое лицо с ввалившимися глазницами, черные, жесткие волосы. А вот глаза...

Полчаса назад начальник Управления МВД по Тамбовской области генерал-майор Пресняков Климент Петрович не просто заглянул к ним в отдел, как, бывало, делал, проходя мимо, а явился в сопровождении незнакомой девушки в милицейской форме. Он сразу же своей тучной фигурой заполнил небольшое помещение, хотя и встал у двери, окидывая цепким взглядом вскочивших оперативников.

— Ну что, орлы, не ждали? А мы к вам приперлись... Знакомьтесь, старший сержант Адерихина Людмила Владимировна. Ваш новый сотрудник. Как говорится, прошу любить и жаловать...

Он говорил, а сам с насмешливым прищуром бросал косые взгляды на Орлова, отмечая про себя, как у того все больше и больше округляются глаза от изумления. Собственно, другого генерал и не ожидал, зная отношение начальника уголовного майора Клима Орлова к подобным вещам. Да и другие оперативники были потрясены не меньше. Уставившись немигающими взглядами в хрупкую на вид девушку, они разглядывали ее без всякого стеснения, словно перед ними находилась не девушка-милиционер, а, по крайней мере, моргающая кукла, к тому же живая. Но по мере того как они все больше приглядывались к ней, оценивая внешние данные, у них в глазах стали появляться уже неприкрытые насмешливые огоньки, уголки губ мелко дрожали в сдержанной улыбке.

Новоиспеченная сотрудница была невысокого роста, тонкая в талии, со светлыми волосами, собранными на затылке в тугую косичку. Остренький носик, четко очерченные природой пухлые губы и глубокие синие глаза, похожие на два бездонных озера, завершали симпатичный образ этого юного создания. Ладную фигурку не портили даже сапоги, голенища которых в изящных икрах были несколько великоваты. Девушка, конечно, привлекательная, кто же спорит. Но какой из нее оперуполномоченный? Смех да и только! Это не с детишками несмышлеными заниматься в своей детской комнате милиции... Тут приходится гоняться с пистолетом за преступниками... А это чисто мужское дело, не требующее обсуждения.

Другая девушка под пристальными взглядами нескольких мужчин обязательно смутилась бы, но Адерихина, к ее чести, держалась стойко. В присутствии генерала она стояла не шелохнувшись, как и положено, но вид, однако, имела независимый и, в свою очередь, также открыто разглядывала оперативников, с кем предстояло вскоре служить. Не поворачивая головы, она внимательно скользила глазами по их насмешливым лицам, и ни один живчик не дрогнул на ее симпатичном личике. Людмила понимала, что с распростертыми объятиями ее здесь никто не ждал: в УВД еще не было такого случая, чтобы оперативником служила женщина. Так что пускай привыкают. В светлых глазах Адерихиной мелькнули озорные искорки, и она тотчас смиренно прикрыла пушистые веки, чтобы еще больше не разозлить майора Орлова, который и без того едва сдерживал бушующую в нем ярость.

— Ну а сейчас, Людмила Владимировна, попрошу вас пройти в кадры, — пророкотал генерал, довольный произведенным эффектом. Посчитав, что знакомство состоялось, он галантно повел широкой ладонью в сторону выхода: — Прошу!

Под растерянными взглядами поднявшихся оперативников, которые все еще никак не могли поверить в то, что только что произошло на их глазах, Адерихина круто развернулась на каблуках и вышла подчеркнуто уверенной, твердой походкой, громко стуча каблуками по деревянному полу.

Когда за ними закрылась дверь, Капитоныч безвольно опустился на свой стул, откинувшись на спинку, и задумчиво потер ладонью блестевшую от пота лысую голову.

— Вот это дела-а-а! — протянул он, и было непонятно, то ли фотограф осуждает поступок генерала, то ли

одобряет его. Но в том, что произошедшая картина произвела на него неизгладимое впечатление, не было никаких сомнений.

Сокрушенно качая головой, Васек Федоров с шумом вытряс из пачки последнюю папиросу и жадно закурил.

Журавлев порывисто обернулся, в два шага пересек помещение и встал у распахнутого окна, опираясь ладонями на подоконник. Поглядывая хмурыми глазами в парк, где на слабом ветру шевелились тополиные листья, он стал глубоко вдыхать раздувающимися ноздрями свежий воздух, чувствуя внутри непонятное беспокойство. Очевидно, это было связано с войной, которая все не отпускала его. По сей день он отчетливо помнил, как на его глазах погибла санитарка Роза Вишнякова. Несколько часов их полк вел жаркий бой с превосходящими силами противника. И вот когда красноармейцы при поддержке танков пошли в атаку, тяжело ранили его дружка Ваньку Тунчикова. Он видел, как к нему под непрекращающимся огнем подбежала Роза, проворно перевязала ему окровавленную грудь, потом взвалила бойца на себя и понесла, качаясь под весом плотно сбитого тела бывшего колхозного кузнеца. Его перебитые ноги волочились по дымившейся, взрыхленной снарядами земле. До позиций своих оставалось совсем немного, когда рядом с ними разорвался очередной снаряд. Роза погибла. Ей не было и восемнадцати. Плакали все, кто остался в живых. Но тогда была война, а зачем же в мирное время молодых девушек принимать на службу, где легко умереть?.. Журавлев повернулся и, присев на подоконник, привалился боком к проему.

Орлов бессмысленно водил ладонями по столу, угрюмо уставившись в одну точку перед собой. Его лицо хотя и со-

храняло невозмутимое выражение, все же было заметно, как на смуглых скулах вспухали и пропадали желваки, а губы время от времени шевелились, что-то беззвучно шепча.

«Нет, брат, шалишь, — мысленно противился Орлов генерал-майору. — Привел девчонку, эту пигалицу... и куда? На место оперативного сотрудника. Совсем он, что ли, спятил? Понятно, что кадров нет, но это уже перебор. Разве сможет она заменить младшего лейтенанта Петю Шишкина, погибшего при задержании банды Симыча во время налета их на кассу? Тот вон какой был рослый, косая сажень в плечах, фронтовик... а не смог себя уберечь... Граната, она ведь не выбирает, парень ты или девушка... Там такие уркаганы были: Колун, Мерзлый, Сиплый, Угруюмый, Плешивый, Чекан... Для них убить любого человека — как два пальца об асфальт... А за этой... пигалицей... за ней самой надо присматривать как за малым дитем. Это что ж, вроде как насмешку над нами устроил товарищ генерал?.. — И у сурового, мужественного Орлова от обиды вдруг задрожали плотно сомкнутые губы. — Над боевыми офицерами такое вытворять...»

Орлов и Климент Петрович знали друг друга очень давно, как говорится, успели не один пуд соли съесть. «Пойду и откажусь», — решил Клим и, раздраженно ударив кулаком по столу, порывисто поднялся. Оперативники разом обернулись на громкий стук и с недоумением, даже с долей некоторого страха уставились на Орлова. Лицо его ничего доброго не сулило: возле рта поперечные складки пролегли еще глубже, веки прищуренных глаз дрожали от негодования.

Он шагнул из-за стола, но тут неожиданно зазвонил телефон, который в напряженной тишине прозвучал пронзительно громко и, как всем показалось, тревожно.

— Слушаю, — ответил Клим, размашистым движением приложив к уху эбонитовую трубку.

Звонил из дежурной части лейтенант Соколов. Его далекий и глухой голос рвался от волнения, заставлял дребезжать тонкую мембрану. Судя по тому, как немигающий взгляд Орлова с каждой секундой напитывался свинцовой тяжестью, а сам он выпрямлялся, расправляя плечи и упираясь кончиками пальцев в крышку стола так, что побелели суставы, Соколов докладывал о том, что произошло нечто неординарное. Собственно, тут и вариантов-то других не было. Уголовный розыск — служба не для слабонервных людей.

— Убийство на тринадцатом километре. — Клим ожог прислушивавшихся оперативников колючими глазами из-под сдвинутых бровей и грубо швырнул трубку на аппарат: — Четыре трупа... с особой жестокостью. Заболотнов — автобус к подъезду, Журавлев — за судмедэкспертом, Федоров — к кинологам. Быстро! Капитоныч — саквояж в руки и за мной.

На ходу надевая фуражку, Орлов скорым шагом направился к выходу. Капитоныч заторопился следом, прихватив с собой увесистый саквояж с фотокамерой и штатив.

На улице их уже поджидал автобус ЗИС-8 с услужливо распахнутой настежь дверью. Ваня Заболотнов по-хозяйски восседал на водительском месте, опираясь локтем левой руки на баранку. Подперев щеку кулаком, он терпеливо дожидался, когда соберется оперативная группа.

Пропустив Капитоныча со своими принадлежностями, Орлов встал у двери и закурил, бросая озабоченные взгляды на входную дверь управления. Он уже начал заметно нервничать оттого, что остальные задерживаются, но тут дверь широко открылась, и один за другим вышли

Журавлев, судмедэксперт Самойлов, Федоров и кинолог сержант Котейкин, который вел за поводок овчарку по кличке Байкал.

— Добрый день, товарищ майор, — поздоровался интеллигентный Самойлов, неловко забираясь в салон и бережно прижимая к груди фанерный чемоданчик, обтянутый облезлым дерматином.

— Куда уж добрей, — иронично заметил Орлов.

— Извините, никак не могу привыкнуть, — расстроенно ответил Самойлов, пришедший на службу в уголовный розыск не так давно.

Удобно расположившись на жесткой скамейке, он аккуратно разместил на острых коленях чемоданчик, поправил шляпу и, прикрыв глаза за очками, погрузился в свои мысли.

Несмотря на то что рослая овчарка имела довольно грозный вид с открытой пастью, из которой свисал алый язык и торчали клыки, Орлов по-дружески потрепал ее по жесткой холке и проговорил смягчившимся голосом:

— Вся надежда на тебя... зверина ты этакая. Смотри не подведи.

— А это как звезды лягут, — ответил за собаку ее проводник сержант Котейкин и тяжко вздохнул.

— Котейкин, ты за нее заранее-то не расписывайся в бессилии, — не замедлил упрекнуть его Орлов, пропуская их с овчаркой

— Да я ничего, — смутился сержант. — Сами знаете, как бывает... Собака — она ведь тоже живое существо. Потерять след недолго... Тут много причин, вам ли не знать.

— Ты мне зубы не заговаривай, — внезапно разозлился Клим. — Не успели приехать на место, а ты уже мне тут начинаешь причитать, как баба...